

УДК 100.37

ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ СМЫСЛА

Л.А. Демина*, Л.Ф. Копосов**

* ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

**ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г.
Москва

Одним из наиболее значимых философских событий XX в. явился так называемый «лингвистический поворот», осуществленный аналитической философией и выразившийся в провозглашении языка не только средством, но и единственным подлинным объектом философского анализа. Наиболее характерным для уже довольно продолжительного времени, прошедшего с тех пор, было интенсивное применение точных, разработанных в основном в современной логике средств и методов анализа языка. Развитие логических теорий, появление множества новых направлений логических исследований, разработка средствами логики искусственных языков для решения определенных практических и теоретических задач не могла не затронуть исследований естественного языка. Раскрытие многолинейных аналогий между этими языками, перенесение методов и процедур логического исследования на контексты естественного языка и наоборот существенно обогатили не только собственно логику и лингвистику, но и теорию познания. Накопленный опыт, связанный как с успехами, так и неудачами формализации естественного языка способствует обретению более ясного понимания природы языка, его роли в человеческом познании и коммуникации и, в конечном счете, построению научной теории языка.

Ключевые слова: *лингвистический поворот в философии, аналитическая философия, контексты естественного языка, коммуникация, значение, смысл.*

Одна из актуальных задач современной научной практики, на наш взгляд, это задача моделирования языковых, информационных процессов, моделирования языка как средства хранения, передачи и переработки информации. Несомненно, важной в этом плане является и задача моделирования человеческой способности понимать язык и осмысленно им пользоваться в самых различных целях. Объяснение этой способности – одновременно и путь к объяснению специфики человеческого освоения мира, его познавательных возможностей. Пунктом, в котором сходятся интересы конкретно-научных и философских исследований языка, является раскрытие механизма соотношения мысли, языка и действительности, результатом чего и является человеческое познание.

Для современного этапа исследований естественного языка характерно прослеживание взаимосвязи поверхностных и глубинных структур языковых выражений (предложений и контекстов), результатом чего является построе-

ние моделей, отражающих эмпирически не наблюдаемые свойства и отношения и фиксирующих существенные характеристики языка. Анализ глубинных структур языковых контекстов ведет к традиционной логико-философской проблематике – исследованию вопросов референции и истины. Мы предпочитаем использовать термин «референция» как обозначение отнесения языкового выражения к внеязыковому объекту, а также самого объекта вместо более привычного термина «значение» ввиду неоднозначности и даже противоположности использования последнего в логике и лингвистике. Разработка вопросов прагматики, связанных с включением в сферу логико-лингвистического анализа материалов обыденной речи, рассматриваемой прежде всего как орудие коммуникации, также увеличивает интерес к референциальным аспектам языка. Что мы имеем в виду, когда говорим о референции и референциальных подходах к анализу языка? Теорию референции интересует «возвращение» языка к действительности, вопрос о том, каким образом значимые единицы языка могут понятным для адресата способом идентифицировать предметы. Решение этих вопросов зависит от ряда гносеологических предпосылок: каким образом трактуется понятие предмета (что выводит нас, в частности, на проблемы номинализма и реализма), какому типу референтных выражений отдается предпочтение, а также посредством чего осуществляется связь языкового выражения и референта, т. е. что обеспечивает сам процесс референции.

Проблема смысла также является задачей глубинного анализа языка, его теоретической реконструкции. Каковы критерии осмысленности выражений языка, роль смысла в отождествлении и различении объектов референции и в конечном счете – смысл и понимание – вот лишь небольшой перечень вопросов, встающих перед нами при появлении этого короткого слова «смысл». Но постижение смысла – задача уже ни в коем случае не лингвистическая. Здесь мы от вопросов речевой деятельности обращаемся к человеческой деятельности вообще, к её познавательным практикам. Это задача философа, которая может быть охарактеризована как «осмыслить смысл» и «понять понимание».

На наш взгляд, проблема соотношения референции и смысла в чем-то подобна основному вопросу философии (или, по крайней мере, является его преломлением применительно к языку); и там, и там мы ставим вопрос, что является объектом исследования и – в зависимости от решения этого вопроса – каковы способы его постижения. Нетривиальность этой нестареющей проблемы заключается не в окончательном ответе, а в способах анализа и обоснования.

Другая сторона этой проблемы – вопрос о семантических плоскостях познания, который самым тесным образом связан с проблемой универсалий. Философская традиция в своей семантике различает три вида вещей – знаки, объективное значение и обозначаемое, т. е. представляет собой вариант трехплоскостной семантики смысла и значения. Современная логика переходит к двухплоскостной системе репрезентации: знак – отображаемое. Наша задача показать, каким образом при этом может быть решен вопрос об абстрактных сущностях, какова современная формулировка вопроса об универсалиях.

Как отмечает К.-О. Апель, ставя данный вопрос, возможно, в полемически заостренной плоскости, «философия сегодня сталкивается с проблема-

тикой языка как с проблематикой основоположений научного и теоретического построения понятий и высказываний, равно как и своих собственных высказываний, т. е. с проблематикой осмысленного и intersubjectively значимого формулирования познания вообще. В заостренной форме можно было бы сказать: «первая философия» больше не является исследованием «природы» и «сущности» «вещей» или «сущего» («онтологией»), не является она теперь и рефлексией над «представлениями» или «понятиями» «сознания» или «разума» («теорией познания»), но представляет собой рефлексии над «значением» или «смыслом» языковых выражений («анализом языка»)» [1, 239]. Независимо от того, согласны мы с данным высказыванием или нет, позиция, выраженная в нем, заслуживает внимания и специального рассмотрения.

Говоря об анализе языка, важно различать две его сферы: анализ языка науки и анализ естественного языка. Например, в своей, в определенной степени итоговой работе «Теоретическое знание» В.С. Степин пишет: «Хотя наука и пользуется естественным языком, она не может только на его основе описывать и изучать свои объекты. Во-первых, обыденный язык приспособлен для описания и предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека (наука же выходит за её рамки); во-вторых, понятия обыденного языка нечетки и многозначны, их точный смысл обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. Наука же не может положиться на такой контроль, поскольку она преимущественно имеет дело с объектами, не освоенными в обыденной практической деятельности. Чтобы описать изучаемые явления, она стремится как можно более четко фиксировать свои понятия и определения» [2, с. 46]. С этим утверждением трудно не согласиться, тем более что оно имеет за собой солидную философскую традицию, связанную с именами Г. Лейбница, Э. Гуссерля и Г. Фреге. Таким образом, можно принять, что «в любой научной теории объект функционирует в форме термина языка или понятия. В процессе развития научного знания первоначальным объектом является значение (референция) термина, затем происходит изменение объекта – им становится смысл. При условии формализации смысла терминов теории становится возможным оперировать смыслом термина как вещью предметного мира» [2, с. 12]. Мы не останавливаемся сейчас на трудностях формализации понятия смысла и на том, что пока такой удовлетворительной теории не существует, отметим лишь, что при исследовании языков науки выявляется определенная тенденция объективизации смысла. Это является отражением изначального проекта объективистского, исключаящего человеческую субъективность исследования языка и отведению главной роли в таком исследовании логико-математическим методам.

Но то, что применимо, и то в ограниченной мере, к языкам науки выглядит совсем иначе, когда мы обращаемся к естественным языкам.

Проблема intersubjectivity познания при понимании познания как коллективного и коммуникативного процесса может быть поставлена и решается именно в рамках философии языка. Но при этом не следует проблематику смысла рассматривать как исключительно языковую, что происходит, если мы осмысленность вообще трактуем как объективность и научность. Да, конечно, «в языке и с помощью языка выражается все богатство человеческой жизни во всех ее проявлениях: в отношении к миру, к другим людям, к культуре, к прошлому и будущему, к самому себе. Все, что делает человек, возможно только

на основе языка. Только в языке могут быть закреплены и переданы другим людям результаты деятельности человека» [3, с. 200]. Но сама природа смысла предполагает рассмотрение неких универсальных начал, проявляющихся в различных видах и формах человеческой жизнедеятельности, в том числе и в языковой. Это значит, что анализ смысла не может быть ограничен чисто логико-лингвистическими средствами (так же, как и анализ самого языка как социо-культурного феномена). Рефлексия над понятиями «смысла» и «значения» предполагает и рефлексии над самим языком. Анализ смысла тесно связан с анализом понимания, а феномен понимания рассматривается как акт осмысления и интерпретации, совершаемый обладающими соответствующей компетенцией человеческими субъектами. Такой подход соответствует в целом идеям неклассической теории познания, с ее отказом от субъекто- и наукоцентризма [4, с.11–114].

Таким образом, мы полагаем, что соотнесение смысла и понимания, смысла и коммуникации, осмысленности и интересубъективности познания позволяет вывести нас за пределы чисто языкового рассмотрения проблем смысла, значения, референции и придать анализу данных понятий необходимую конструктивную общность и методологическую значимость. В то же время это дает возможность использовать позитивный опыт, накопленный в различных традициях исследования как языка, так и познания в целом: семиотической, логико-семантической, феноменологической, структуралистской, герменевтической.

Логико-семиотическая парадигма

Человек отличается от животного тем, что он способен использовать знаки. Причем речь идет не только о тех знаках-индексах, которые находятся в причинно-следственных отношениях с предметами (дым – указатель огня) – их могут улавливать и высшие животные, но прежде всего о знаках-символах, которые лишь конвенционально «привязаны» к предмету. Использование таких знаков требует уже определенного уровня абстракции, чтобы за любым словом-знаком уметь увидеть некоторый предмет, чтобы быть способным передавать необходимую информацию и общаться друг с другом. Знак не несет в себе ни грана вещи, но он материален; он – заместитель вещи, предмета. Именно найдя такого «заместителя», человек становится подлинно человеком, т. е. разумным существом, *homo sapiens*. Можно согласиться с Ч.У. Моррисом, одним из создателей семиотики как науки, когда он утверждает: «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [5, с. 45]. Однако реализация проекта построения общей теории знаковых систем, как это виделось его авторам, на наш взгляд, далека от выполнения, да и вряд ли возможна вообще, учитывая специфичность поставленных задач. Ю.С. Степанов считает, что «семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений...» [6, с. 5]. Разнородность объектов исследования делает сомнительной возможность «унификации» науки на основе семиотики, как это виделось Ч.У. Моррису, возможность преодоления посредством семиотики противоположностей формальных, гума-

нитарных и естественных наук. Но что не вызывает сомнения – это успешность семиотического подхода к анализу языка и шире – к анализу знаковых систем, рассматриваемых как носители информации (информационные системы).

Семиотика – это наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками (по определению Ч.У. Морриса), и так как любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков, то семиотика призвана служить инструментом всех других наук. Именно это качество семиотики представляется для нас наиболее привлекательным: ее методологический аспект, семиотика как методология исследования человеческого познания. Учитывая тот факт, что язык в XX в. превращается в одну из центральных, а может, и просто центральную философскую проблему; учитывая, что почти все науки о человеке заново открывают языковые аспекты своего предмета, в семиотике мы находим весьма ценные методы и принципы, на которых должно базироваться любое исследование языка.

Исследования естественного языка являются традиционной областью приложения совместных усилий логики и лингвистики. В целом же естественный язык можно рассматривать и более широко – как сферу пересечения интересов философии и лингвистики, так как, обращаясь к анализу языка, мы не можем избежать таких вопросов, как соотношение языка, мышления и действительности, объяснения человеческой способности познания мира и раскрытия механизмов такого познания. Все эти вопросы уходят своими корнями в исследование природы языка. При этом важно отметить, что в философском представлении язык рассматривается не как простое средство коммуникации, а как явление, что, возникнув из потребностей общественной практики, стало средством выделения признаков объектов действительности, «кодирования» и обобщения их, т. е. превратилось в систему, позволяющую сформулировать любое отвлеченное отношение, любую абстрактную мысль. Язык, как средство выражения мысли, становится в то же время средством её построения, средством углубления и развития абстрактного мышления, что, в свою очередь, позволяет перейти от неполного и неточного знания к более полному и точному.

Но интерес к языку со стороны логики и философии, с одной стороны, и лингвистики – с другой, шел до определенного времени как бы с разных позиций. Так, для логиков и теоретиков науки на первый план выступали формально-структурные аспекты построения языка, причем сам естественный язык рассматривался как недостаточно строгий и в силу этого не являющийся идеальным орудием мышления. Для традиционной же лингвистики, наоборот, наиболее важным представлялось изучение реального многообразия существующих языков. Можно сказать, что лингвистика до появления работ Ф. де Соссюра, положившего начало системному анализу и структурному изучению естественного языка в современном понимании этих принципов научного познания, оставалась во многом наукой эмпирической.

Чарльз Сандерс Пирс и Фердинанд де Соссюр: две парадигмы в семиотике

В формировании и развитии общей теории знаковых систем можно выделить две независимые (по времени и месту возникновения) и во многом различные линии: первая, «американская» линия, связанная с именем логика,

философа и математика Ч.С. Пирса, и вторая, «европейская», развиваемая швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Различие этих линий не только (и не столько) в названиях: «семиотика» – название, предложенное американской школой (Пирс – Моррис), «семиология», или «семиология», – такое название для единой науки о знаках придумал Ф. де Соссюр. Как мы знаем, в итоге закрепилось первое название.

С одной стороны, Пирс как логик и математик идет от задач и проблем, выдвигаемых математической логикой. Его идеи, систематизированные и, на наш взгляд, существенно упрощенные Ч. Моррисом, оказали и продолжают оказывать большое влияние на логические исследования языка. Но идеи Ч. Пирса имеют и глубокое философское содержание, которое стало доступным для русскоязычного читателя лишь в последние десятилетия благодаря широкой публикации его работ. Семиотика Пирса происходила из пересечения определенной формы идеализма и математики. Его анализ языка исходит из понимания языка как части более широкой онтологической структуры.

Ф. де Соссюр выделяет язык как объект лингвистики, противопоставляя его речи (как социальное – индивидуальному, существенное – побочному). Саму же лингвистику он рассматривает как часть более общей науки о знаках – семиологии. Семиологическую систему Соссюр характеризует как определенную систему значимостей, «где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости и наоборот» [7, с. 143]. Ценность соссюрковского подхода с логико-гносеологической точки зрения заключается, на наш взгляд, в том, что он впервые начинает рассматривать язык как систему, обладающую определенной целостностью и замкнутостью. При таком способе рассмотрения мы имеем дело как бы с формой существования языка, содержанием же будет реальный процесс развития языка. Отдельные языковые выражения обладают «значимостью» лишь в силу своего положения в данной системе, будучи противопоставленными другим выражениям. Именно такой конвенциональный подход позволяет Ф. де Соссюру рассматривать тождество языковых выражений не онтологически, а как тождество в силу правил самой системы и тем самым сливать понятие тождества с понятием значимости. Отсюда, кстати, и проистекает известная аналогия механизма функционирования языка с шахматной игрой.

Философия Пирса поражает самыми удивительными и неожиданными соединениями и переплетениями идей и суждений. В определенной мере ключевой для него является идея логики, логических форм и структур, определяющих человеческий способ познания и его результаты; логические структуры языка в его рассмотрении коррелируют с онтологическими сущностями и, можно сказать, что он как бы смотрит на мир через призму логических категорий. Возможно, это во многом идет от его профессиональных занятий математикой в молодости, когда он рассматривал математику как ключ ко всем символическим системам и, таким образом, ко всему знанию; метод установления символов и исследования следствий для него есть сама суть Вселенной [см. напр., 8]. От математического символизма он движется к логическому символизму и – шире – к семиотическому символизму. «Высшая степень реальности, – пишет Пирс в “Письме к Леди Уэлби”, – достигается именно знаками, т. е. посредством таких идей, как идеи Истины, Справедливости и других».

«Логика, – отмечает он там же, – есть всего лишь иное название семиотики, квазиинформационного или формального учения о знаках».

Гносеологическое обоснование семиотики (философия познания Ч.С. Пирса)

Знак выступает как основа человеческого познания. Знак устанавливает отношение, вторгается между объектом и разумом. Знаки никогда не являются изолированными атомами, они образуют бесконечные ряды (и должны рассматриваться только как часть такого ряда), распространяющиеся в различных направлениях.

Рассмотрим, каким образом Пирс обосновывает свои суждения о познании. Формулируя собственную точку зрения, Пирс подчеркивает, что «современная наука и современная логика требуют от нас встать на платформу, значительно отличающуюся от картезианской» [9, с. 10]. А вот дальше следует интересная мысль, заставляющая нас вспомнить и Гуссерля, и Гадамера (разрабатывавшего свою герменевтику значительно позже): «Мы не можем начинать с совершенного сомнения. Мы должны начинать, имея все те предрассудки, которые действительно имеются у нас, когда мы беремся за исследование философии. Эти предрассудки нельзя развеять предписанием собственной воли, ибо они таковы, что возможность сомневаться в них не приходит нам в голову. Изначальный скептицизм поэтому всегда будет просто самообманом, а не реальным сомнением; и никто из следующих картезианскому методу никогда не будет удовлетворен, пока формально не возродит все те убеждения, от которых формально же отказался. Их подготовительный метод, таким образом, столь же бесполезен, как путешествие на Северный полюс с целью добраться оттуда до Константинополя строго по меридиану» [10, с. 11].

Критикуя картезианский принцип индивидуального сознания как критерия достоверности («все, в чем я ясно убежден, истинно»), Пирс отмечает, что «мы не можем обоснованно надеяться достичь той философии, к которой стремимся, индивидуально; а поэтому мы можем заниматься ее поисками, только имея в виду сообщество философов» [10, с. 12]. С этими утверждениями тесно связаны взгляды Пирса на истину. Истина – это то, что устанавливается на долгое время в сообществе ученых; это некоторые элементы веры, которые хорошо работают и поэтому привычно фиксируются в цепочке знаков. «Философии с точки зрения метода необходимо подражать успешно развивающимся наукам, а значит, основываться только на ощутимых посылках, могущих быть подверженными тщательному исследованию, и доверять больше многообразию своих аргументов, нежели окончательности какого-либо из них. Философское рассуждение должно быть не цепью, прочность которой не превышает прочности слабейшего звена, но канатом, волокна которого могут быть еще слабее – лишь бы они были многочисленны и хорошо переплетены» [10, с. 12]. Идеальная цель познания недостижима, задачей же является все большее продвижение к установлению такого мнения, истинность которого была бы неопровержима.

В качестве образца Пирс берет метод естественных наук, который характеризует как «опытный метод», суть его состоит в том, чтобы «приложить все силы, чтобы, избегая вынесения какого-либо суждения, извлечь как можно большее количество фактов из бесконечного потока опыта, показаниями кото-

рого только и следует руководствоваться в конечном счете; и начать наконец вслушиваться в то, что говорит нам природа» [10, с. 120].

Собственные гносеологические принципы Пирс описывает в виде отрицательных положений: у нас нет такой способности, как интроспекция – всякое знание, в том числе и внутреннего мира выводится посредством рассуждения и исходя из знания внешних фактов; у нас нет такой способности, как интуиция, так как всякое знание логически детерминировано предыдущими знаниями; мы не можем мыслить иначе, как посредством знаков; у нас нет понятия непознаваемого [10, с. 12–13].

Обосновывая первые два положения, Пирс подчеркивает, что нет какого-либо абсолютно первого знания какого бы то ни было объекта, а приращение знания есть непрерывный процесс. Процесс же познания, с которого мы должны начинать, чьи законы известны лучше всего и ближайшим образом следуют внешним фактам, это процесс вывода от посылки А к заключению В, тогда и только тогда, когда с фактической точки зрения пропозиция В истинна всегда (или обычно), если истинна пропозиция А. Таким образом, логическое следование, по мнению Пирса, с одной стороны, отражает некое фактическое положение дел, с другой, в самой природе он находит некие основания логического вывода. Им высказывается точка зрения, что «в организме ... имеет место нечто равносильное силлогистическому процессу» [11, с. 14]. В то же время это утверждение получает вполне прагматическое обоснование: наш обычный опыт показывает, что если человек убежден в посылках (а это означает, что он признает их истинными и готов действовать, исходя из них), то, при определенных условиях, он также признает истинность заключения и будет готов действовать, исходя из него.

Подобные рассуждения о человеческой природе встречаются у Пирса достаточно часто, например: «Вне всяких сомнений мы в общем и целом суть логические животные, но животные в этом смысле несовершенные. Большинство из нас, например, по природе более жизнерадостны и полны надежд, чем это могло бы быть оправдано логикой... вместе с тем, где надежда не выверяется опытом, там оптимизм выглядит нелепо. Логичность в отношении практических материй есть качество наиболее полезное из всех, которыми может обладать животное, и, следовательно, может быть признано результатом действия естественного отбора» [12, с. 98]. Логическое рассуждение Пирс называет «привычкой ума» (неважно, приобретенной или изначально органически присущей), которая ведет нас к получению общезначимых выводов, имеющих силу как логических, так и фактических законов.

Как пишет о Пирсе в своем исследовании Р. Коллинз, отождествляя действие логики в мышлении с самой реальностью, Пирс строил антропоморфный образ вселенной. Заимствуя понятия из новой экспериментальной психологии, он утверждал, что бессознательные навыки перехода от одного знака к другому, составляющие умозаключение, существуют в реальности повсюду. Природа – это бесконечная последовательность знаков, каждый из которых указывает на что-то вне себя. Нет ничего помимо знаков: «Реалии суть знаки. Пытаться проникнуть к реальной вещи, очистив ее от знаков, – все равно, что пытаться распотрошить луковицу с тем, чтобы проникнуть к самой луковице» [13, с. 79].

Что такое знак? Это – некое переживание, образ, понятие или другая репрезентация, которая наличествует в нашем сознании всякий раз, когда мы мыслим. Однако, как отмечал Пирс, из нашего собственного существования следует, что все, присутствующее для нас, есть проявление нас самих. Но это не мешает этому присутствующему быть феноменом чего-то вне нас. Когда мы мыслим, мы сами проявляемся как знак. Знак как таковой отсылает к чему-то тремя способами: во-первых, он – знак, представляющий некую мысль, его интерпретирующую; во-вторых, он – знак, замещающий некий объект, эквивалентный этому объекту в представляющей его мысли; в-третьих, он – знак, находящийся в некотором отношении с объектом. Мышление рассматривается им как непрерывная последовательность, в которой каждая мысль-знак переводится или интерпретируется в последующем мысле-знаке.

Но что замещает мысль-знак? Что он заменяет? Всякая мысль, будучи детерминирована предыдущей мыслью, ссылается на вещь (объект) лишь через денотирование этой предыдущей мысли. Таким образом, понятие «объект» размывается, реальность теряет ясные очертания. Объект – это знак, рассматриваемый на каком-то этапе рассуждения как денотат, но это лишь постулируется на данном этапе. «Мысль-знак замещает свой объект в том аспекте, в каком он (объект) мыслится. Иначе говоря, этот аспект есть в мысли непосредственный объект осознания, или, другими словами, этот аспект есть сама мысль или по меньшей мере то, каковой мысль мыслится в последующей мысли, для которой эта первая есть знак» [10, с. 26].

Анализируя семиотическую концепцию Пирса, мы подходим к важному для нас вопросу: имеет ли смысл говорить о смысле, применительно к пирсовскому подходу к знаку? Можем ли мы выделить нечто, к чему было бы применимо данное фрегевское понятие? Или мы должны дать ему иное истолкование? Существует ли смысл как что-то объективное, а если существует, то в каком качестве? Учитывая неустоявшуюся во времена Пирса терминологию, будем исходить из его термина – «значение» (но совершенно очевидно, что это именно смысловое значение; для референциальной составляющей используется термин «денотат»).

Итак, каждая мысль сама по себе рассматривается как нечто простое, неанализируемое (знак). Это некий необъяснимый факт, особого рода непосредственное переживание. С другой стороны, эти переживания и не требуют объяснения, так как подобны друг другу и содержат в себе только всеобщее. И это не означает, что мы не можем опосредованно (рефлексивно) знать это непосредственное. Прежде всего, наше знание – знание о подобии. О подобии одной мысли другой, одного переживания другому, предшествующему и в целом – о подобии объектов наших мыслей. Без такого рода уподобления никакой процесс познания развиваться не может. Но это знание получается уже не непосредственно, из восприятия, а путем некой гипотезы, формирующей суждение, субъект которого обозначает одно понятие (мысль), а предикат – другое.

«Значение всякой мысли, – пишет Пирс, – есть нечто виртуальное» [9, с. 31]. Мысль (понятие) сама по себе не имеет никакого значения (смысла). Но их осмысленность возникают из их отношения друг к другу. Знание возникает (и существует) в отношении между такого рода состояниями сознания, которые мы называем мыслями. «Как сделать ясными наши идеи?» – задается Пирс

вопросом в одной из статей. Чтобы понять мысль, постичь смысл идеи (что она значит), совершенно недостаточно рассматривать ее саму по себе. Только в контексте, только в непрерывном процессе интерпретации мы достигаем ясности и понимания. И этот вывод гносеологии Пирса предвосхищает многие пути развития философии языка XX в. Термин «виртуальное» применительно к значению в данном контексте понимается как нечто, возникающее из действия (вспомним Витгенштейна: значение есть употребление).

И опять гносеология превращается в своеобразную онтологию: «Коротко говоря, – пишет Пирс, – Непосредственное (а потому само по себе не подверженное опосредованию, т. е. Неанализируемое, Необъяснимое, Неинтеллектуальное) протекает непрерывным потоком через наши жизни. Оно есть совокупность сознания, чье опосредование, которое и есть его непрерывность, обязано своим существованием реальной действующей силе, подразумеваемой сознанием... Точно так же, как мы говорим, что тело в движении, а не что движение в теле, нам необходимо сказать, что мы – в мысли, а не мысль в нас» [10, с. 31].

Пирсом выделяется следующая структура мысли: во-первых, мысль как репрезентация, что определяется репрезентативной функцией мысли-знака; во-вторых, чистое денотативное применение (денотация), которое проявляется в отношении одной мысли к другой; в-третьих, материальное качество, или то, как мысль переживается.

Так называемое «материальное качество» в большей степени связано с ощущениями и эмоциями. Но в то же время Пирс подчеркивает, что нет такой вещи, как первичное ощущение («ощущение не есть с необходимостью интуиция, или первое впечатление чувств»), оно также детерминировано предшествующими знаниями, поскольку объект обретает свой облик только после того, как стал предметом интерпретации через цепочку знаков. Таким образом, нет окончательного знания, поскольку переинтерпретации могут продолжаться до бесконечности, в зависимости от возникновения новых связей между знаками.

В этом смысле позиция Пирса в теории познания близка к позиции антипсихологистов. «Для антипсихологистов теоретико-познавательные нормы, говорящие не о сущем, а о должном, не могут быть просто фактами индивидуального эмпирического сознания. Ведь эти нормы имеют всеобщий, обязательный и необходимый характер, они не могут быть поэтому получены путем простого индуктивного обобщения чего бы то ни было, в том числе и работы эмпирического сознания и познания», утверждает В.А. Лекторский [11, с. 106].

Список литературы

1. Апель К.О. Трансформация философии / пер. с нем. М.: Логос, 2001. 344 с.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики (вступит. статья) // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1987. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 21–38.

4. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург, Деловая книга, 2001. С. 45–97.
6. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург, Деловая книга, 2001. С. 5–44.
7. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
8. Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
9. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетея, 2000. 319 с.
10. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетея, 2000. Т. 1. 318 с.
11. Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2 т. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Т. 1. 224 с.

SEMIOTIC PARADIGM IN THE PHILOSOPHY OF SENSE

L.A. Demina*, L.F. Kopusov**

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

**Moscow Regional State University, Moscow

One of the most significant philosophical events of the 20th century was the so-called «linguistic turn» realized by analytical philosophy and expressed in the proclamation of language not only as a means, but also as the only true object of philosophical analysis. The most characteristic for already quite a long time, which has passed since then, was the intensive use of precise, developed mainly in modern logic, tools and methods of analyzing the language. The development of logical theories, the emergence of many new directions of logical research, the development by means of the logic of artificial languages to solve certain practical and theoretical problems, could not but affect the studies of natural language. Disclosure of multi-linear analogies between these languages, the transfer of methods and procedures of logical research to the contexts of natural language – and vice versa – substantially enriched not only logic and linguistics, but also the theory of knowledge. The accumulated experience, connected both with the successes and failures of the formalization of natural language, helps to gain a clearer understanding of the nature of the language, its role in human cognition and communication and, ultimately, the construction of the scientific theory of language.

Keywords: *linguistic turn in philosophy, analytical philosophy, contexts of natural language, communication, meaning, sense.*

Об авторах:

ДЕМИНА Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА), г. Москва. E-mail: ldemina05@mail.ru

КОПОСОВ Лев Феодосьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания ОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: koplev@yandex.ru

Authors information:

DEMINA Larisa Anatolievna – Ph.D., Prof. of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow. E-mail: ldemina05@mail.ru

КОПОСОВ Лев Феодосьевич – Ph.D.(Philology), Prof., Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow Regional State University, Moscow. E-mail: koplev@yandex.ru